Негосударственная фундаментальная наука

Традиционные формы организации фундаментальной науки переживают сегодня в России глубокий кризис. Нередко даже можно услышать вопрос: а выживет ли отечественная фундаментальная наука вообще? При этом часто упускается из вида, что государственная или известная у нас как академическая формы организации науки отнюдь не единственно возможные. И ныне как раз негосударственные научные институты стали возникать в самых разных областях. Опыт работы подлинно негосударственных учреждений, проблемы негосударственной науки как формы социальной доорганизации и самоорганизации, темы взаимоотношения государственной и негосударственной науки, финансирования последней, проблемы творческой свободы ученого и т.д. и т.п. стали предметом обсуждения на семинаре "Негосударственная фундаментальная наука", организованном в Подмосковье двумя негосударственными научными образованиями- Институтом национальной модели экономики (Москва) и Семинаром по биогерменевтике Санкт-Петербургского союза ученых. После семинара несколько его участников собрались за "круглым столом" нашего журнала, чтобы продолжить обсуждение проблемы. Это президент Института национальной модели экономики **Виталий Аркадьевич НАЙШУЛЬ,** руководитель отделения теоретической географии того же института **Владимир Леопольдович КАГАНСКИЙ** и представители Семинара по биогерменевтике- его руководитель, кандидат филологических наук **Сергей Викторович ЧЕБАНОВ** (старший научный сотрудник Института эволюционной физиологии и биохимии РАН), психолог **Наталья Абрамовна АБЕЛЬСКАЯ** и доктор химических наук **Валерий Аронович ДЫМШИЦ** (научный сотрудник Института исследования еврейской диаспоры Санкт-Петербургского еврейского университета). Наиболее интересные моменты обсуждения обобщены в материале редактора отдела социально-экономических проблем **Наталии Михайловны ПЛИСКЕВИЧ.**

В.Л. Каганский: Прежде всего хотелось бы определить, какой круг феноменов можно обозначить как негосударственную науку. Всякий, кто занимается научной деятельностью либо читал или слышал о ней, знает, что даже в ситуациях сколь угодно жесткого управления, давления, всегда существовали некие "зазоры", позволявшие ученым помимо плановых работ вести свои параллельные исследования. В стенах академических (и не только академических) институтов это было совсем не аномалией, а достаточно обычной ситуацией, хотя сама степень если не свободы, то жесткости для ученого сильно варьировала в зависимости от различных обстоятельств. Но уже с 50-х годов было вполне нормальным, что научный работник, устраиваясь на работу в государственный институт, определял не только круг своих будущих обязанностей, но и возможности для проведения каких-то иных, важных для него исследований. Интересовался, скажем, тем, в какой мере и с какого времени он сможет уточнять, изменять тему исследования, насколько реально будет смыкать

имеющиеся заказы со своими интересами и т.п. Ответы на подобные вопросы становились существенным критерием оценки места работы.

Реальное присутствие в жизни и работе ученого личных исследовательских интересов и планов с течением времени нередко выливалось в процесс, который можно обозначить как *постепенная приватизация государственной науки,* как становление *ленной науки.* То есть научные руководители от очень высокого ранга до тех, в распоряжении которых находилось всего два-три подчиненных или даже ни одного (просто пользовавшихся казенными помещением, временем, приборами, архивами и т.д.), находились в ленных отношениях с вышестоящими ступенями иерархии. По определенной договоренности они использовали находящиеся в их распоряжении государственные средства не только для плановой работы, но и для своих исследований. В результате появлялся некий отчуждаемый продукт, в частности публикации, доклады, статистические показатели. Допустим, ученый делает не то, что нужно государственной науке или лаборатории, но зато часто публикует научные статьи, делает доклады, имеет интересные контакты в научном мире, а все это работает и на реноме места его службы.

Негосударственная наука развивалась у нас также в рамках различного рода научных сообществ, научно-общественных организаций. В моей сфере к таковым можно отнести Географическое общество с его семинарами, экспедициями и т.п. Другой формой организации негосударственной науки издавна стали многочисленные домашние семинары, имеющие довольно формальную привязку к тому или иному учреждению, например к университету, и размещающиеся в некоем межфакультетском, межкафедральном пространстве, позволяющем уходить от дисциплинарно регламентированной тематики. Причем в рамках подобных семинаров иногда не только проходили обсуждения, но и осуществлялась сама научная деятельность.

В общем тот феномен, о котором мы говорим, существует у нас уже давно. Он находится в довольно сложных отношениях с государством, является в существенной своей части свободной наукой, на которую наложены внешние институциональные ограничения и обладает большой, гибкой и сильной самоорганизацией. До рубежа 80-х и 90-х годов негосударственная наука находилась в каком-то симбиозе с наукой государственной, но затем, по мере кризиса государственной науки стала развиваться своими путями.

С.В. Чебанов: В сущности то, о чем мы собрались поговорить, и та тема "негосударственной фундаментальной науки", которую мы обсуждали на своем семинаре, после обсуждения прояснилась попросту как *"свободная наука".* А свободная наука может иметь разные институционализации. Это может быть и государственная институционализация, и институционализация самофинансирования, когда человек работает в какой-то другой сфере, чтобы заработать себе средства на научную деятельность. Возможна институционализация по типу научной фирмы, которая наукой зарабатывает себе на жизнь путем консультаций, преподавания, специальных разработок и т.п. Наконец, негосударственная научная институция может получать средства на свою деятельность у спонсоров и меценатов. Все это разные ситуации. И к каждому из названных типов институционализации можно приложить ту или иную степень формальности или неформальности, парадигмальности и межпарадигмальности, фундаментальности и нефундаментальности, тоталитарности и свободы. Можно, допустим, устроить какую-то частную тюрьму, где будут работать ученые. Это будет частная наука, но в высшей степени несвободная. Возможны и ситуации, при которых наука формально выступает как государственная, а ученый при этом чувствует себя очень вольготно.

В.Л. Каганский: В этой свободной науке есть существенные интенции к самоустроению на тоталитарных началах. Такую направленность в какой-то мере демонстрируют довольно мощные научные движения.

С.В. Чебанов: Я не согласен. Не наука склонна к тоталитарной организации, а есть некие свойственные ей относительно внешние компоненты, в основном социально-психологические процессы, приводящие к тому, что наука так или иначе институционализируется. И уже внутренняя логика институционализации науки может приводить к появлению некоторой тоталитарности, некоторой несвободы. Причем при определенных стилистиках научной деятельности действительно возможно даже последовательное проведение идеологии несвободы.

Здесь я оговорюсь, но оговорка эта кажется мне очень важной, что речь, конечно, идет не просто о науке, а вообще о *постижении*. Наука - лишь маленький кусочек постижения. Можно говорить об истории и эволюции самих представлений о познавательной деятельности и о науке как о том, что начинает доминировать в этой сфере. В этом плане поворотной, резюмирующей фигурой является Р. Декарт, сформулировавший, что метод должен заменить индивидуальные способности. Такой стиль постижения становится абсолютно тоталитарным. Известно, что происходит, когда идет резкое подчинение, с одной стороны, рационализации, а с другой - просто конкретно явленной эксплицированной методике.

В.А. Найшуль: Думаю, говоря о тоталитарности, мы должны различать, о чем, собственно, идет речь: об организации мыслительного процесса, о научной деятельности или о процессе материальной жизни ученых вокруг науки (их еде, жилье и т.п.). Мне кажется, надо разделять эти три пласта, которые могут встречаться в любых сочетаниях. Но вообще-то мне казалось, что ученый внутри себя свободен.

С.В. Чебанов: Мне кажется, что это и важно, и неважно. Здесь мы переходим к некоему другому измерению. С одной стороны, жизнь может заставлять ученого делать какую-то совершенно постороннюю работу именно для того, чтобы получить возможность заняться познавательной деятельностью. И в этом плане степень свободы может быть исчезающе малой. А с другой стороны, в той мере, в какой данная научная деятельность алгоритмизирована (допустим, если речь идет о сложных вычислительных процедурах, это может быть довольно несвободная вещь). Последняя ситуация и относится в точном смысле слова к науке. Два же другие пласта касаются степени комфортности научной институционализации, которая может быть хуже или лучше, и это можно обсуждать в том числе и с точки зрения оптимальности в эвристическом аспекте. Поэтому я считаю, что *одно дело — свобода или несвобода науки, а другое - свобода или несвобода ученого.*

Сама постигающая деятельность не имеет абсолютно никаких предпосылок к какой бы то ни было институционализации, в том числе государственной. Она не может не быть свободной. Хотя в определенных случаях, особенно связанных с формализацией методов исследования, ученый начинает выступать как некий психо-физиологический прибор для осуществления алгоритмизированной деятельности. И чем поверхностнее и локальнее результаты, чем более они операциональны, тем в большей степени складываются предпосылки для институционализации науки. С этой точки зрения, мне кажется весьма правдоподобным утверждение, что глубинный дрейф постигающей деятельности происходит с периодикой в 10 тыс. лет, а все остальные - связанные с институционализацией - более или менее глубокие узоры.

В.А. Найшуль: Я бы хотел сказать несколько слов об уже упомянутых мною трех пластах анализа работы ученого: собственно мыслительном процессе, научной деятельности ученого и организации его материальной жизни. Прежде всего о первом. Как уже говорилось, на нашем семинаре появился термин "свободная наука". Мне кажется, что продуктивным было бы также использование понятия *"альтернативная наука"*. Свободные творцы могут находиться с господствующими в их сфере представлениями и в относительно нормальных отношениях. Представители же альтернативной науки, грубо говоря, отрицают определенные, существенные для тради-

ционного подхода способы постижения. И, что очень важно, они сами переживают это отличие, потому что без такого внутреннего переживания того, что они "не как все", нет альтернативности. По-моему, предметом нашего обсуждения является и свободная, и альтернативная наука. Но для простоты я вновь объединю эти два понятия и буду говорить о свободной науке.

Говоря об особенностях работы у нас в стране, я хотел бы отметить, что здесь ныне есть какое-то отличие внутреннего научного метода от ранее применяемых, даже, я бы сказал, есть какой-то другой способ мышления, чем, скажем, в западной науке, как это ни странно будет звучать. По крайней мере то, что я наблюдаю в окружающей меня группе ученых, позволяет об этом говорить. Я не знаю, другой ли это способ получения новых фактов, постижения их, поскольку трудно влезть в голову западным ученым, но уж точно - это новый подход в их верификации.

Мы у себя в институте, в частности, стремимся следовать двум постулатам. Первое - верное доказательство может быть некрасивым, но красивое доказательство всегда верно. Соответственно, хорошая работа всегда отвечает эстетическим критериям, соответственно, по таким же критериям она и должна проверяться. Если она эстетически целостна, значит, она состоялась. Хотя я и сознаю опасности, связанные с таким подходом, тем не менее именно с его помощью я могу требовать новых научных результатов.

С.В. Чебанов: Но эстетический критерий - вопрос вкуса. Что делать при резком различии эстетических канонов?

В.А. Найшуль: Я рассматриваю эстетический критерий как внутренний, а не внешний. Достаточно, если ты сам считаешь, что это красиво. Второе же мое требование отталкивается от известного английского анекдота о том, что если собака укусила джентльмена, это не новость, новость - если джентльмен укусил собаку. Поэтому все факты, относящиеся к разряду "собака укусила джентльмена", не рассматриваются у нас как научная продукция.

С этой точки зрения, материалы, которые я считаю важными, могут содержать совершенно иную, чем принято, оригинальную систему доказательности. И мне кажется, что сейчас наступило время появления работ, которые как бы расширяют наше представление о методе. По крайней мере это касается сферы общественно-политических или социально-экономических наук, в которой я работаю.

Теперь о втором пласте - о научно-организационной деятельности. Здесь я не совсем согласен с Чебановым в оценке этого пласта, потому что есть феномен *коллективного научного творчества.* Вспомним евангельское высказывание о том, что где соберутся трое во имя мое, там и я с ними. Соответственно, когда собираются несколько ученых для какой-то работы или обсуждения, возникает многократное отражение, приводящее к совершенно новому эффекту. В этом плане создание нашего Института национальной модели экономики было в значительной степени попыткой восстановления утраченной среды. А наличие ученика является существенным для научного творчества ученого, даже если этот ученик знает существенно меньше. Когда же встречается "ровня" и как бы "перебрасывается" идеями, в результате возникает дополнительная взрывная сила, реакция размножения. В данном случае понятие научной среды настолько важно, что становится одним из элементов собственно творческого процесса, важнейшим его параметром.

Здесь говорилось также о самоорганизации научной среды. Прежде всего она обретает у нас форму семинаров. В зависимости от характера вопросов, которые объединяют группы ученых, семинары могут быть более или менее закрытыми, в той или иной степени регламентируемыми, длительными, кратковременными и т.п. Но они существуют как культурная форма, они похожи друг на друга, вылеплены по одной давно закрепленной институциональной модели. Я предполагаю, что в данном случае мы имеем дело с синтезом привнесенной в Россию немецкой образовательной модели и

русской монастырской культуры, с которой эта модель удачно "склеилась". Перечитайте "Кадетский монастырь" Н. Лескова. Прочтя его, я поразился: мехмат МГУ точно по той же модели устроен. И думаю, потому что в данном случае мы имеем дело с удачной культурной формой, эта научная микроорганизация очень хорошо работает.

Говоря о третьем пласте - о процессе организации жизни ученого, - я должен констатировать, что в данной сфере сейчас существует огромный провал, как, впрочем, чудовищный провал наличествует во всем нашем обществе. О каких грандиозных формах самоорганизации здесь можно говорить, когда сегодня люди не в состоянии объединиться в рамках одного подъезда для поддержания элементарного порядка, чистоты и т.п. Причем в этом им никто не мешает.

Формы самоорганизации науки находятся у нас в очень тяжелом состоянии. Показателем кризисности ситуации может служить, в частности, то, что и на прошедшем семинаре ученые, которые при обсуждении всех остальных вопросов пользовались высокоабстрактным языком, переходя к организационным проблемам, начинали изъясняться на языке сугубо бытовом. Сложившаяся ситуация ставит очень сложные проблемы в области организации науки, саму возможность что-то сделать в этой сфере. Потому что она в общем-то закрыта от внешних импульсов: никто не знает, например, что можно сделать в биологии лучше биолога. И если в науке не начнутся какие-то самоорганизационные процессы, там не возникнет ничего...

В.А. Дымшиц: Да, здесь есть некий парадокс. Круг проблем, исследуемых каждым ученым или группой ученых, по большому счету интересен, важен, понятен, наконец, только им самим. При этом есть разные структуры (общество, государство, партии, международные фонды и т.д.), имеющие некий ресурс, например деньги, и распределяющие его в некоторой пропорции, не будучи компетентными в том, что делают те, кто на этот ресурс претендует. Почему группа некомпетентных в физике, химии, биологии, медиевистике и т.п. лиц должна решать, что является приоритетом. Особенно если речь не идет о каких-то прикладных обстоятельствах. Пусть государство хочет иметь атомную бомбу, но есть масса нейтральных по отношению к государству отраслей знания.

Поэтому распад такой ситуации, когда от государства зависит само существование той или иной дисциплины, явление чрезвычайно здоровое. Важно, что этот распад сопровождается открытием границ бывшего СССР. Ученые получают возможность уехать на работу за границу, получать международные гранты и т.п. Хотя есть некоторые специальные случаи, когда нет возможности обращаться только к внутренним основаниям для выживания. Например, большие коллекции или архивы не могут поддерживаться частным лицом или организацией. Здесь нужно государственное финансирование, так как их поддержание требует огромных затрат. Разумеется, в таких случаях можно обсуждать проблемы создания, скажем, механизма целевых фондовых инвестиций.

С.В. Чебанов: Важно, что существовавшая у нас система не просто не понятно как распределяла деньги на научные исследования. Она распределяла их тенденциозно, а значит, с систематической ошибкой.

В.А. Найшуль: Сегодня власть нашла очень жесткий способ реформирования таких закрытых сообществ. На мой взгляд, при всей его жесткости, даже жестокости, это единственно возможный способ пробудить самоорганизационные процессы, "не влезая отверткой внутрь". Способ этот- не давать денег (данная ситуация касается не только науки, но и других сфер, скажем, армии и т.д.). Он, кстати, соответствует и предпочтениям наших сограждан. Вместе с газетой "Сегодня" мы проводили опрос, касающийся того, на что предпочтительнее сейчас тратить имеющиеся ограниченные средства. В результате наука оказалась на последнем месте.

Попавшие в подобную ситуацию люди, которые тем не менее не могут существовать вне научной среды, начинают организовывать ее вокруг себя. И мы уже видим успешные примеры. Так, на нашем семинаре присутствовал ученый - К. Михайлов, -который издает пять биологических журналов. Такие примеры свидетельствуют, что подобное у нас вполне возможно. И вероятно это зародыши неких новых научных образований, с помощью которых в будущем и данная проблема также разрешится.

С.В. Чебанов: Я согласен с тезисом об очистительной роли отсутствия денег, но мне кажется важным, чтобы наука была оставлена не только без денег, но и без статусов. Более того, хорошо, чтобы была организована система других статусов, прежде всего политических. Я сейчас с упоением наблюдаю, как из познавательной деятельности в иные сферы уходят люди, претендовавшие на статусы. И в результате в самой науке создается очень хорошая атмосфера, существенно отличающаяся от **коммунальной кухни.**

В.Л. Каганский: Как профессиональный ученый я также могу выразить удовлетворение по поводу только что сказанного. Это означает, что с точки зрения общества наука начинает рассматриваться как в значительной степени дело самих ученых и, по-моему, это хорошо. Разумеется, у нас будут трудности, но это будут исключительно наши трудности, и мы с ними будем разбираться сами. Это лучше ситуации, при которой общество нас финансирует, а заодно и разбирается с нами.

Н.А. Абельская: Интересно, что, собравшись на семинар о соотношении государственной и негосударственной науки и обсуждая эту тему в течение четырех дней, мы в итоге пришли к осознанию того, что, по сути, говорили о свободной и несвободной науке. Думаю, если бы речь шла не о такой специфической форме постижения, как наука, а о постижении вообще, тот же результат мы бы получили гораздо раньше. Ведь подобные процессы происходили в литературе, в частности в поэзии, в гораздо более чистом виде. Во-первых, потому что литературное творчество не обставлено никакими сложными техническими приспособлениями, а во-вторых, потому что это почти всегда творчество индивидуума, а не коллектива.

Еще недавно существовали две литературные действительности: Союз писателей и литературный андеграунд, и бытовало мнение, что государственная литература, которую олицетворяет первый, несвободна, а андеграунд свободен. Совершенно очевидно, что Союз писателей не нужен литературе (в отношении, скажем, академических институтов это совсем не так ясно). Тем не менее институционализация литературы происходила почти в тех же формах, что и институционализация науки. Это был чисто тоталитарный процесс, сам по себе противоречивший процессу познания. Союз писателей не мог восприниматься и быть оправданным даже с точки зрения создания литературной среды, потому что он не только не был средой, но был антисредой, которая тоталитарными способами влияла на творческий процесс, поворачивая его куда надо и лишая творческого характера.

Как я понимаю, и в науке, и в литературе было много одураченных этой институциональностью. Они искренне полагали себя учеными, писателями, считали, что занимаются наукой или искусством, и это были, наверное, хорошие люди, но лишенные таланта, возможностей, просто мозгов для того, чтобы добиваться новых результатов. Были и таланты, которые искренне пытались вписаться в эту систему. Но вот распался Советский Союз, а вместе с ним и старая институциональность. И начали происходить интересные вещи. Те, кто действительно были писателями, входя в Союз писателей лишь формально, просто продолжали делать свое дело. Другие же увлеченно начали создавать некие конструкции по старому образцу. В результате возникло много самых разных союзов писателей и в Москве, и в Санкт-Петербурге.

Что интересно, подобные же процессы происходят и в андеграунде. Существование в андеграунде особых денег не давало, но давало определенный статус. Теперь же нет ни статуса официального, ни статуса андеграунда. И многие бывшие его лидеры ведут себя сейчас так же, как ранее вели себя литературные генералы, а стихи при этом пишут плохие.

Я хочу сказать, что если человек настаивает на том, что он постмодернист, а не просто поэт, он оказывается в ситуации, схожей с той, которая разворачивалась вокруг "социалистического реализма". Подобные парадигмы, по-моему, одинаково тупиковы. Люди пишут стихи потому, что это для них способ познания мира. Для таких людей распад старой институциональности не только не трагедия, но и большая радость. Я так долго говорю об этом потому, что нам вообще, наверное, следовало бы рассуждать об этих процессах не только в науке, но и в культуре вообще, тогда бы ситуация стала бы более прозрачной. В науке же многое "обвешано" всякими дополнительными приспособлениями, не имеющими отношения собственно к процессу познания, камуфлирующими реальность.

С.В. Чебанов: Как я понимаю, подобно тому, как в науке нужны некоторые институты типа профессиональных корпораций, в литературе требуется крепкий институт литературных агентов. А Союз писателей, как бы претендуя на то, чтобы быть таким коллективным агентом, на деле деприватизировал литературную деятельность его членов.

В.А. Дымшиц: Уже говорилось о том, что рассуждения в рамках оппозиции "государственная наука — негосударственная, частная наука" в итоге привели к другой оппозиции "свободная — несвободная наука". Оказалось, что и во внегосударственных, частных научных учреждениях могут, с одной стороны, делаться очень хорошие вещи, а с другой - усилиями самих их членов создаваться некие сложности для самих себя, прежде всего из-за желания воспроизводить институциональные формы, присущие государственным научным учреждениям. В целом можно выделить четыре различные формы институционального существования науки. Это *ленная форма,* когда сеньор дает вассалу "на кормление" нечто, позволяющее ему заниматься свободным творчеством, одновременно отдавая что-то сеньору по жесткой или достаточно мягкой договоренности. Это *самофинансирование,* когда человек, чтобы продолжать творческую научную деятельность, зарабатывает себе на жизнь другой профессией. Это *меценатство* (с частным случаем - самомеценатством) и, наконец, *встроенность в научно-технические корпорации.* Оказывается, что данный перечень, во-первых, в значительной степени как бы инвариантен ко времени, месту, типу культуры и т.п., причем перечисленные формы могут быть как рядоположенными, так и встроенными друг в друга, т.е. одна из этих структур может оказаться объемлющей по отношению к другой или ко всем оставшимся. Во-вторых, этот перечень делится как бы пополам. Два первые элемента ее соответствуют более или менее старым формам организации научного процесса. И с этих позиций государственная наука, в которой прежде всего существует ленная наука, является формой организации научной свободы. Это такой феодальный инструмент, доставшийся нам в наследство от проклятого или светлого прошлого (нужное подчеркнуть). Два же последних элемента, скорее, присущи обществу, построенному на либеральной модели. Из сказанного, впрочем, не следует, что все четыре формы в разных пропорциях не могут быть представлены в любом месте, в любое время, в любой культуре.

В.А. Найшуль: Я попробую осветить тему форм организации научного процесса, опираясь на опыт работы Института национальной модели экономики и просто на мой личный опыт. Первое, что бросается в глаза при рассмотрении государственных и негосударственных форм научной деятельности, это *огромная разница в размерах.* Все частные организации, институты, фонды, как правило, весьма невелики. Институт

может состоять из двух или даже одного человека. И все же я буду настаивать, что такой один человек- Институт не только в плане наличия у него собственного расчетного счета и тому подобных атрибутов, но и в том смысле, что он существует как автономная экономическая единица. Уже говорилось, например, о человеке, издающем пять журналов: чем это не редакция?

Вторая особенность новых научных образований - их *удивительная устойчивость.* Они ведь все время не живут, а выживают. У них нет каких-то особых финансовых источников, они не открыли фонтанов нефти и т.п., но тем не менее очень мало подобных организаций исчезает. Я, пожалуй, знаю лишь один пример в смежных с моей областях, когда деятельность была заморожена, но не прекратилась.

Мы знаем старые плодотворные структуры, устроенные как бюрократические организации, но в них были свободные ниши, где происходило творчество. Новые организации устроены по-другому. Они заземлены, и этим заземлением является необходимость получения денег. Если старые организации расходовали и расходуют чужие деньги, то новые структуры - свои. Поэтому для последних невозможна обычная в прежние времена практика, при которой от сотрудника требовались некие формальные официальные отчеты, а за это он получал свободу творчества.

Новые научные организации имеют *разные источники финансирования.* Важный источник средств - *иностранные гранты.* Кстати, поскольку иностранцы плохо контролируют исполнение, то в данном случае вполне возможно, что полученные средства реально направляются на выполнение другой работы, хотя официальный отчет и предоставляется. С моей точки зрения, подобная ситуация, по сути, схожа с той, в которую в брежневские времена попадал ученый, вынужденный делать одну работу и отчитываться за нее для того, чтобы заниматься интересующей его темой. Это портит научный процесс, заставляет ученого раздваиваться, врать.

Кроме того, данный способ финансирования имеет для российских ученых и некоторые другие пагубные эффекты. Средства предоставляются на разработки, которые кажутся важными и интересными "оттуда". Скажем, грант на исследование поведения представителей сексуальных меньшинств в условиях безработицы можно было бы, наверное, получить у всех фондов. Ничего страшного в подобного рода исследованиях нет, но при слабости иных источников финансирования в общей исследовательской палитре возникает определенный профессиональный перекос.

С.В. Чебанов: Я бы также заметил, что система иностранных грантов сейчас поддерживает у нас, наверное, все хорошо оформившиеся научные направления. Проблема заключается в том, что *невозможно получить финансирование формирующихся направлений, выдержанных в традициях российского менталитета.*

В.А. Найшуль: Есть и еще одна проблема, связанная с иностранными грантами. Работа должна быть выполнена в западном формате. Для нас это и плюс, и минус. Минус связан с тем, что такой формат не совсем соответствует российскому научному творчеству, и поэтому он мешает. Здесь мы сталкиваемся просто с несколько иной внешней формализацией научного творчества, чем это было, в рамках старых государственных структур с их канонами, ограничениями и т.п. Но одновременно предъявляемые требования в какой-то степени и полезны. Для нас сейчас настало время выработки своего стандарта, и очень важно, что наши ученые уже соприкоснулись с западным стандартом. Потому что этот стандарт - полный, цельный, и от него можно отталкиваться, создавая собственный стандарт научной разработки.

Важным источником средств для новых научных организаций является *участие в выполнении государственных программ.* В зависимости от ракурса рассмотрения это можно воспринимать и как некую форму выполнения государственного заказа, и как форму "воровства" у государства. Здесь новые научные организации вступают в некоторую конкуренцию со старыми. Хотя между ними и есть существенная разница: старые государственные структуры обладают институционализированным правом на

пользование средствами. Образно говоря, если новые организации должны с ведерком бегать к источнику средств, каждый раз доказывая свое право на их получение, то к старым структурам просто протянута труба от этого источника. Правда, в последнее время они жалуются, что по трубе мало течет, но это уже другой вопрос. В целом же, по-моему, появление у источника многих соискателей с ведрами придает всему процессу более живой, здоровый характер.

Хотя главное, думаю, в том, что в мире не существует ясного механизма распределения средств между соискателями, занятыми научной деятельностью. Насколько я знаю, сейчас в естественных науках вводятся критерии раздачи денег, в какой-то степени приближения устраивающие это сообщество. Я слышал "скрипучие" положительные отзывы, и это очень существенное достижение. Сама научная ткань в естественных науках была гораздо плотнее, система авторитетов более явной, что и позволяет выработать подобные критерии. В социально-экономических науках система авторитетов совершенно неявная, и потому там очень сложно сделать что-либо подобное. Поэтому в принципе, я думаю, что там, где есть сформировавшиеся научные школы и прогресс науки осуществляется в рамках этих школ, возможно (я не говорю хорошо) государственное финансирование. Во всяком случае на том вре-менном горизонте, пока эти школы не подавляют возникновение новых, оппозиционных тенденций.

Новые научные организации получают средства для своей деятельности также благодаря *консультированию.* Такая практика приводит к выходу исследований на прикладной уровень. В моей - социально-экономической - области сейчас консультирование предъявляет достаточно примитивный спрос. Российская экономика сегодня носит достаточно простой характер, а потому и рекомендации оказываются "лобовыми". Если бы в нашей экономике шли гораздо более сложные процессы, то для их анализа и, соответственно, практических советов необходимо было бы применять значительно более сложные методы исследования.

И в этой области я бы выделил особенности консультации частного заказчика и государственной организации. Особенности эти, с моей точки зрения, не в пользу последней, хотя в целом государственные проблемы сложнее и, соответственно, интереснее для ученого. Но при работе с государственной организацией всегда чувствуется, что ее представители тратят не свои деньги; отсюда аморфность формулирования самой задачи для консультанта. Частные же заказчики тратят свои деньги и по крайней мере стараются рационально формулировать задачи исследования.

Наконец, говоря о финансовом аспекте существования новых научных структур, нельзя не вспомнить о *спонсорстве и меценатстве.* Я хотел бы взглянуть на это явление институциональными глазами. На мой взгляд, устойчивая спонсорская поддержка данной научной организации означает ее удачную "встроенность" в общество. Если научный институт хорошо "вставлен" в общество, то он будет пользоваться устойчивой поддержкой спонсора, мецената, если плохо - он будет переживать очень большие трудности.

Ведь если институту дают деньги на меценатских основаниях, это означает, что он нечто должен приносить обратно: доставлять удовлетворение своему спонсору. В любом случае это возможно только при интегрированности данного института в общественную, государственную, научную среду. Собственно, развитие таких процессов и означает "прорастание" самоорганизующейся ткани общества. Мне кажется, что если сформируются такие спонсорские "отростки" от институтов, такая "кровеносная система" будет построена, то многие проблемы будут решены.

В.Л. Каганский: Я бы хотел несколько изменить направление нашей беседы и сказать несколько слов о формах организации негосударственной научной деятельности, прежде всего о семинарах. С 1972 года в Ленинграде, а теперь уже в Санкт-Петербурге существует семинар, который ныне называется семинаром по биогерме-

невтике. Для него характерны постановка фундаментальных, долгосрочных задач, выработка методологических программ, на основе которых обсуждались и частные, конкретные задачи. Существенно, что в его рамках на общеметодологической междисциплинарной почве узкие специалисты могли отрефлексировать себя и свою деятельность. Быть может, этот семинар даже выполнял функцию коллективного когнитивного психоанализа.

Важно, что на протяжении всех этих лет без специального государственного финансирования в рамках этого семинара и с основными его участниками, среди которых были представители самых разных дисциплин (биологи, социологи, геологи, палеонтологи и т.д.), осуществлялась интенсивная научная деятельность. Главным ее результатом я бы назвал подготовку десятка крупных профессионалов. А поскольку подготовка профессионала - вещь чрезвычайно дорогостоящая, то можно говорить, что такой *неформальный семинар профинансировал государственную науку в гораздо большей степени, чем получил от нее прямо или косвенно.*

Но таких семинаров было много, а круг информируемых об их работе был гораздо шире, чем круг непосредственных участников. И если представить, что сетью подобных семинаров пронизывалась государственная наука, то можно говорить о существовании *параллельной неформальной и весьма эффективной системы коммуникаций.* Нет нужды говорить, сколь важно это для омассовленной и очень предметно дифференцированной науки. Ведь, например, упомянутый мною семинар связан с другими - и санкт-петербургскими, и московскими - семинарами. В результате образовалась система, по которой достаточно эффективно циркулировали идеи, в которой общались люди и т.д.

Можно сказать, что с этой точки зрения *пространства государственной и негосударственной науки - не изолированные, а пересекающиеся пространства*. Хотя отношения между ними гораздо сложнее, чем простое пересечение или наложение. Утверждая, что сеть таких семинаров выполняла функции альтернативной системы, каркаса, я должен продолжить следующим образом. Всякая большая и довольно жестко структурированная система содержит множество пустот, зазоров и стыков. Там, где есть парадигмальные или институциональные границы научных дисциплин, либо появляется некое неохваченное смысловое пространство, либо образуются зоны пересечений или пограничные маргинальные зоны. В такой ситуации сеть неформальных семинаров - каркас, который хорошо заполняет эти стыки и зазоры.

В результате получается, что альтернативная, негосударственная наука с экономической точки зрения оказывается очень эффективной. Она позволяет *интенсифицировать использование ресурсов, выделяемых на государственную науку:* те "объедки", которые попадали в щели, очень хорошо утилизировались.

Здесь я хотел бы внести в наше обсуждение мощную оптимистическую ноту, которая может показаться парадоксальной. Распад СССР, который не является одномоментным актом, а представляет собой сложный незавершившийся процесс, на первый взгляд наносящий удар по всему, что пользовалось государственной поддержкой, при внимательном рассмотрении оказывается основой будущего и отчасти уже наблюдающегося расцвета наук и искусств. Прежде всего этот распад означает кризис всей системы нормирования организации пространства: собственно географического, тематического, любого. Для многих видов деятельности сама *дерегламентация, получение возможности для самоорганизации, является важным ресурсом.* Самоорганизация - атрибут науки в широком смысле. Научная деятельность, не способная к самоорганизации, не является научной деятельностью, она может быть чем-либо еще, содержащим научный компонент.

Кроме того, все структуры советского пространства, в том числе и государственной науки, обладали поразительной двойственностью. Они были одновременно и жизнеобеспечивающими, и репрессивными. Не составляла в этом плане исключения и АН СССР, которая очень много делала для поддержания научной деятельности

именно как социальной практики, но при этом по отношению к внешней научной среде выступала в явно репрессивном качестве. Например, АН СССР во многих областях обладала монополией на лицензирование, сертифицирование, на присвоение научных степеней, на определение того, являются ли те или иные работы "научными". И если академический институт давал отрицательный отзыв на разработку ученого, ситуация для него становилась довольно скверной. С распадом СССР все это постепенно начинает уходить в прошлое.

Наконец, совершенно очевидно, что за всю историю человечества вместе не существовало полутора миллионов ученых (а столько, согласно статистике, работало в СССР в сфере науки). В условиях краха империи средств на науку не оказывается, и она превращается в невыгодную сферу деятельности. В результате происходят два процесса: резкое сокращение объема питательной среды, на которой произрастает наука, и оттягивание активных энергичных людей в другие сферы. То есть число научных работников сокращается. Но я думаю, что *малая наука является в большей степени наукой, чем наука большая.* Потому что наука по природе своей есть некоторая неомассовленная, индивидуализированная деятельность.

Кроме того, такой феномен, как частный научный институт, в нашей стране стал возможен только сейчас. Более того, сейчас он не только возможен, но и эффективен. Только потеряв прежний статус и размеры, государственные научные институты в какой-то степени смогут считаться с маленькими научными организациями. В результате происходит резкая нормализация ситуации. Так что, по-моему, развал СССР дает познавательной деятельности шанс использовать ресурсы своей самоорганизации. Если он не будет использован, это будет свидетельством вторичности науки. И если наша наука не выживет вместе с государством-СССР, частью и атрибутом которого она была, возникает вопрос: была ли эта невыжившая наука наукой или она являлась социальным феноменом, который тщательно имитировал особенности науки и значительная часть людей в котором искренне заблуждалась относительно того, чем они занимаются.

С.В. Чебанов: Конечно, не выживает не наука, а научная деятельность. Кроме того, не выживают и научно-технические школы. И не потому, что они не прибыльны, а из-за своих гигантских размеров. В сложившейся у нас ситуации маленькие могут уцелеть, а гиганты - нет. На мой взгляд, здесь есть серьезнейший моральный аспект, потому что мне представляется глубоко аморальным выпуск множества работ с якобы "практическим эффектом", на деле являвшийся неприкрытым раскрадыванием средств.

Еще несколько слов по поводу "маленькой науки". По моим представлениям, за последние два десятка лет на территории СССР работало около пяти тысяч ученых. Думаю, эта цифра не менялась за все последнее столетие. Интересно, что по отчету российской Императорской академии наук в 1914 году насчитывалось около четырех тысяч работников науки, т.е. вполне сопоставимая величина. Интересно, что за все последние годы никто из нескольких сот известных мне ученых не сменил сферы деятельности.

В.Л. Каганский: То же я могу сказать и о моих знакомых ученых. Все они занимаются наукой, хотя я не говорю о том, как они живут. В то же время очень быстро "вымылась" группа тех, у кого было много внешних признаков научной деятельности, однако возникали большие проблемы с внутренней содержательностью результатов. Стало очевидно, кто занимается познанием и научной деятельностью, а кто - статусной игрой. И это хорошо.

В данной ситуации негосударственные формы науки стоит рассматривать не как альтернативные государственной, а как *параллельные, сосуществующие с ней, вместе позволяющие выживать науке как таковой.* Существенно, что на нашем семинаре мы пришли к понятию "свободная наука" как более осмысленному, чем "негосударст-

венная наука". Наука может быть и негосударственной, и несвободной, как, скажем, формирующаяся наука крупных корпораций, воспроизводящая все системные особенности науки государственной. Даже самоорганизация ученых на основе самофинансирования может породить несвободные формы.

Мы не отказались от выделения государственной и негосударственной науки, а просто поняли, что другие различения оказываются не менее (а в некоторых ситуациях и более) значимыми. Весь известный нам опыт организации научной деятельности свидетельствует, как в каждой клеточке то, что было названо государственной и негосударственной наукой, взаимодействовало и пересекалось. Ученые, работающие в государственных учреждениях, приходили на домашние семинары и научные салоны и занимались там как бы негосударственной деятельностью. В то же время успешные выступления ученых на таких семинарах-салонах провоцировали предложения о работе со стороны государственных научных учреждений.

Н.А. Абельская: Я бы также хотела обратить внимание еще на один аспект. Ученый, существующий в рамках государственной институционализации и занимающийся свободным творчеством, всегда как бы нелегитимен, а это обычно чем-нибудь чревато. Но сегодня для таких людей ситуация улучшается, эта нелегитимность уменьшается в размере. В данном плане можно дать оптимистическую констатацию того, что сейчас происходит.

В.Л. Каганский: Резкого размежевания государственной и негосударственной науки нет и сейчас. Ныне проблема, скорее, в создании некоей новой интегрированной статусной системы, не опирающейся на унаследованные прежние статусы, а также системы сертифицирования на основе новых частных научно-исследовательских учреждений.

Можно сказать, что государственная и негосударственная наука - это те формы, в которых она существует. Фундаментальное различение - свободная и несвободная наука. Именно это различение оказывается основным не только для науки, но и для государства. Идеал - *свободная наука в условиях хорошего государства.* В таких условиях вполне возможны и достойная негосударственная, и приемлемая государственная наука. А в условиях плохого государства и той, и другой науке живется достаточно скверно.

Поэтому, продолжая свою мысль о процессах, связанных с распадом СССР, я скажу: самое большое, что может сегодня государство сделать для науки - *не мешать естественным процессам распада.* Это не значит, что я призываю к каким-то искусственным акциям, просто не надо мешать спонтанным процессам.

© Н. Плискевич, 1997